

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ОСОБЕННОГО: НАЧАЛА РУССКОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИИ*

1. Вводные замечания

В настоящее время среди экономистов России продолжается довольно активное обсуждение вопросов, связанных со становлением экономической науки в нашей стране, определением истоков и особенностей ее исследовательских традиций, с возможностью их возрождения и дальнейшего развития на этой основе экономического знания. Причем интересно, что две наиболее обсуждаемые темы, по которым независимо друг от друга ведутся дискуссии среди экономистов, в действительности тесно взаимосвязаны. Речь идет о характере и своеобразии русской исследовательской традиции в области экономики (с постановкой вопроса о возможности выделения отечественной научной школы), а также о судьбе политико-экономического наследия и перспективах политэкономии как науки в современной России. В пользу того, что эти две темы непосредственно пересекаются, свидетельствует ряд примечательных фактов.

Во-первых, само становление академической экономической науки в России происходило под прямым влиянием английской школы классической политической экономии, и в последующие периоды немалое число значимых результатов было получено русскими экономистами на основе освоения и переосмысления достижений мировой политико-экономической мысли разных ее течений. Важно отметить следующее: черты оригинальности и самобытности проводимых научных исследований в период дореволюционного расцвета экономической науки в России рождались в процессе освоения методологии политической экономии как ведущей научной школы в мировой экономической науке того периода, но при этом особенно стимулировались растущим стремлением к собственному поиску и выходу в новые области исследования.

Во-вторых, развитие советской экономической теории продолжилось по-прежнему в русле политико-экономической исследовательской традиции, хотя и ограниченной по идеологическим основаниям рамками ее официальной марксистской версии. Конечно, такое направление не соответствовало новому тренду в мировой экономической мысли, опирающемуся на выдвижение неоклассической теории в качестве доминирующей, а потом и на появление других научных школ и течений. Можно считать, что такая своеобразная «оригинальность» советской политэкономии в значительной мере носила вынужденный характер и представляла собой искусственное исключение из общемирового научного дискурса. Тем не менее независимо от ее содержательной стороны сам по себе данный факт представляется значимым.

Виктор Тимофеевич Рязанов, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории СПбГУ.

* Краткий комментарий к публикации — в послесловии главного редактора.

В настоящее время в оценках советской экономической науки и особенно ее базового теоретического звена — политической экономии социализма — доминируют негативные характеристики, связанные с чрезмерной ее идеологизацией, догматизмом, отрывом от реальных хозяйственных процессов, и т.п. Безусловно, такого рода оценки во многом справедливы, но, еще раз подчеркнем, они первую очередь относятся к политической экономии социализма. Однако это не исключало появление отдельных достаточно интересных исследований в рамках марксистской политической экономии. В большей степени они были связаны с разработкой советскими экономистами-теоретиками общих методологических вопросов и политэкономических проблем современного капитализма. К их числу следует отнести, в частности, исследования новых явлений и противоречий в капиталистическом воспроизводстве и в мирохозяйственном устройстве, изучение цикличности и экономических кризисов. Причем и в настоящее время эти разработки вполне могут оказаться полезными для понимания природы и последствий современного мирового кризиса, во всяком случае, с точки зрения преодоления излишне радужного оптимизма по поводу происходящей капиталистической трансформации в России и ее безболезненной включенности в мировое капиталистическое хозяйство.

В-третьих, стремительный разрыв с политэкономической традицией в постсоциалистической России и массовый переход экономистов-теоретиков на неоклассические позиции формально вернул ее экономическую науку в общее мировое научное русло. Однако такое возвращение обернулось не столько новыми приобретениями, снятием запретов и ограничений в научной деятельности, сколько незапланированными потерями. Оказалось, что превращение бывших политэкономов в адептов современной неоклассики мало что дает для самостоятельного и творческого осмысления перестраивающейся хозяйственной реальности. Остается роль ретрансляторов «чужих идей». Ведь вне логики и традиции развития самой науки, вне научного дискурса и в отрыве от меняющейся общественно-экономической реальности трудно рассчитывать на плодотворное включение в мировую экономическую науку. Уделом становится пересказывание чужих текстов (к тому же в основном учебников), мало пригодных для становления научного знания и практической пользы для экономического развития собственной страны.

Насколько наступивший очередной длительный период «ученичества» станет необходимым этапом достойного вхождения в мировую экономическую науку? Ответ на этот вопрос неочевиден. Разрыв со своей сложившейся научной и мировоззренческой традицией может превратить периферийность современной российской экономической науки в застойное состояние. Еще в большей степени этому способствует зарождение в ней нового монополизма неоклассического «мэйнстрима», сменившего монополизм марксизма. Диктат в науке, как и монополизм в хозяйственной жизни, неизбежно ведет к застою, лишая ее способности к саморазвитию и адекватному ответу на изменяющуюся природу экономических отношений и появляющиеся новые вызовы.

В-четвертых, недавно произошедший мощный кризисный обвал в глобальной экономике подтвердил кризисное состояние теоретического экономического знания, базирующегося на неоклассике, черты которого обнаружились задолго до нынешних потрясений в мировой экономике. В этот период в полной мере проявилась ее неспособность достоверно и точно объяснить и прогнозировать происходящие

трансформационные процессы не только в постсоциалистических странах, продемонстрировав тем самым провалы рецептуры неолиберального реформирования, но и в глобальной экономике. Коренным недостатком современного теоретического «мэйнстрима» стали усиливающаяся отстраненность от реальной хозяйственной практики в угоду формализации и модельной чистоты теоремного знания, запаздывание в изучении новых проблем, растущий догматизм. Такого рода «острые углы» с объективной неизбежностью ставят вопрос о принципиальной состоятельности «мэйнстрима», о самой возможности сохранения за неоклассикой в посткризисный период роли фундаментального (базового) звена в системе современного экономического знания.

Вероятность одновременной смены теоретической парадигмы и стратегии развития в наступающий посткризисный период высока. Именно так произошло в капиталистической системе хозяйства после «Великой депрессии» 1929—1933 гг., когда на смену государственному невмешательству в экономику пришла кейнсианская революция в экономической теории с обоснованием необходимости использования методов активного госрегулирования рыночной экономики. Очередной разворот в теории и практике хозяйствования состоялся после второго по масштабам кризиса 1974—1975 гг., приведшего к утверждению неолиберализма в теории и доминированию монетарных методов в экономической политике.

Для российских экономистов кризисное состояние современной экономической теории и мирового хозяйства должно стать отрезвляющим лекарством от абсолютизации и идеализации очередного «самого передового» научного знания, внедряемого извне. По крайней мере, можно надеяться на то, что хотя бы исчезнет третирование любого инакомыслия в научно-образовательной деятельности, противоречащего мейнстриму, как отступление от истины в последней инстанции. Весьма поучительным представляется давнее высказывание одного из идеологов славянофильства в России А. С. Хомякова, который утверждал: «Науке нужна не только свобода мнения, но и свобода сомнения». Это означает, что поиск новой теоретической парадигмы в экономической науке, безусловно, должен стимулировать выход в новые области исследования, но вовсе не исключает важности восстановления утраченных научных традиций и возможности на их основе вернуться к анализу современных проблем экономического развития России.

2. Национальный характер экономической науки

Проанализируем, что собой представляли русские научные традиции в сфере экономического знания и насколько оправданно увязывать их с формированием отечественной научной школы. Заметим, что острые споры вызывают именно вопросы о том, правомерно ли вообще выделять национальные теоретико-экономические школы, и если да, то как определять российскую научную школу в области исследований экономики¹.

¹ В статье понятия «русская» и «российская» школы экономической мысли используются как тождественные. Хотя, строго говоря, между ними есть различия, учитывая сложный национальный состав населения нашей страны и возможность несовпадений теоретических и практических позиций экономистов разных национальных культур. В большей степени это относится к современному периоду.

Стоит напомнить, что эти вопросы стали предметом обсуждения ряда научных конференций в РФ (2000, 2003, 2009 гг.), по материалам которых были опубликованы монографии²; появилось и немалое число статей на эту тему. Следует также отметить определенный интерес к истории русской экономической мысли, проявляемый зарубежными исследователями, особенно немецкими. В этой связи достаточно выделить вышедшие в последние годы работы экономистов из Англии (В. Барнета) и Германии (Й. Цвайнерта)³.

Итак, первый вопрос, на который следует дать ответ: насколько вообще оправданно рассматривать экономическую науку как национальную и на этой основе ее классифицировать. Ведь среди экономистов распространено мнение, отвергающее саму идею национальной экономической школы. Оно пользуется поддержкой немалого числа исследователей и основывается на том, что экономическая наука, как и любая другая (физика, химия, математика и т.п.), не имеет национальных границ и в принципе выступает как интернациональная творческая деятельность. К тому же ее ориентация на поиск истины в исследованиях, который определяет их главную и содержательную цель, должна тем более снять национальную окраску в экономических изысканиях. Такая установка особенно логична, если рассматривать экономическое знание как отражение универсальных хозяйственных процессов, участником которых выступает «экономический человек» со стандартным набором свойств и интересов. Тогда наука, о которой идет речь, предстает как ориентированная на изучение всеобщих (общезначимых) форм организации хозяйственной жизни и обеспечения экономического роста, превращается в универсально-всеобщую науку о хозяйственных процессах и экономическом развитии.

Эта трактовка места и роли экономической науки прежде всего характерна для неоклассической научной парадигмы, претендующей на доминирующую позицию в системе экономического знания. Она не отвергает наличие других научных школ, но квалифицирует их как исторически предшествующие «мэйнстриму», как его дополняющие (с возможным несовпадением по каким-то параметрам) или как периферийные (маргинальные) научные теории, противоречащие основному руслу современной экономической мысли. Что же касается «национального признака», то он не принимается в качестве необходимого классифицирующего критерия в характеристике научных школ экономики, поскольку мало что дает для понимания логики развития аналитического аппарата в исследованиях и для выявления прогресса в его использовании.

Впрочем, роль национального фактора может и не отвергаться, но тогда она сводится к национально-культурному колориту и особенностям экономического менталитета, которые в совокупности воздействуют на возникновение определенных национальных традиций в становлении и развитии экономической науки в

² См.: Очерки истории российской экономической мысли / Под ред. Л. И. Абалкина. — М., 2003; Российские экономические школы / Под ред. Ю. В. Яковца. — М., 2003; Российская школа социально-экономической мысли: истоки, принципы, перспективы. Материалы сессии первого Российского экономического конгресса / Общ. ред. Ю. В. Якутина. — М., 2010. **От редакции:** последнее из перечисленных изданий было представлено на страницах «Российского экономического журнала» (см.: Пионерная книга по материалам первого Российского экономического конгресса. — 2010. — № 1).

³ См., например: Barnett V. A History of Economic Russian Thought. — L. — N.Y., 2005; Цвайнерт Й. История экономической мысли в России. 1805—1905. — М., 2008.

отдельных странах. Таким образом, согласно «мэйнстрим»-подходу национальный срез экономических исследований в лучшем случае ограничивается учетом социокультурной специфики в проявлении всеобщего в экономике в русле единого (общемирового) хозяйственного процесса.

Между тем существует система серьезных, как представляется, аргументов в пользу выделения в классификации научных экономических школ их национального компонента. Поскольку автору уже приходилось подробно излагать эту аргументацию⁴, здесь представляется возможным ограничиться следующими тезисами. Прежде всего следует констатировать: экономическая наука в многообразии своих течений возникает и в дальнейшем развивается с привязкой к конкретному месту (стране, региону). Это означает, что само первоначальное формирование тех или иных научных школ не случайным образом происходит в «нужном» месте. Причем дальнейшее их распространение по мировому хозяйству чаще всего осуществляется не путем прямого перенесения и копирования, а через обогащение своими национальными отличиями и традициями. Итак, самой простой формой «национального» в экономической науке является факт ее присутствия (или, возможно, отсутствия) в той или иной стране.

При этом в каких-то случаях накопленного в мировой экономической мысли опыта хватает для выполнения экономической наукой своих основных функций в данной стране, и соответствующая теория воспринимается как всеобще-универсальная, обладающая познавательным и практическим потенциалом, способным удовлетворить главные потребности общества. В других же конкретно-страновых случаях всеобщего и универсального в накопленном экономическом знании недостаточно для познания хозяйственной реальности и определения эффективных путей развития народного хозяйства. И очень важно разобраться в причинах ограниченности применения всеобще-универсального экономического знания, ибо именно они и рождают сильный импульс для разработки национально-особенной части экономической теории.

В данном контексте нелишне указать на известные в истории мировой экономической мысли примеры использования в обозначении научных школ моментов привязки к национальной почве (стране или месту происхождения). Вспомним об «английской» и «австрийской» школах политической экономии, о «немецкой исторической школе», а также о том, что в названиях ряда школ фигурируют университеты (научные центры), в которых разрабатывались конкретные экономические теории или работали самые авторитетные их представители (наиболее известны в настоящее время научные школы таких университетов, как Чикагский, Кембриджский, Стокгольмский и др.). Ясно, что такого рода обозначения не просто указывают на страны происхождения соответствующих научных взглядов, но и в значительно большей мере отражают специфику менталитета народа, историю хозяйственного развития, социокультурные особенности и т.п., которые не могут не влиять на возникновение определенных традиций в исследовательской практике. Но главное заключается в том, что национальные экономические школы выделя-

⁴ См.: Рязанов В. Русская школа экономической мысли: универсально-всеобщее и национально-особенное // Вестник СПбГУ. Сер. Экономика. — 2010. — Вып. 3.

ются своим более пристальным вниманием к особенному в самом экономическом развитии, что их отличает от научных школ, претендующих на всеобщность.

Если экономическое развитие — это взаимосвязь и взаимопереплетение всеобщего, особенного и единичного, то и структура мировой экономической мысли не может его не отражать. Поэтому наличие особенного в экономике побуждает разрабатывать экономические теории, объектом которых выступают национальные хозяйственные системы. Данное обстоятельство можно рассматривать в качестве важнейшего методологического и практического основания выделения национальной школы в тех случаях, когда такое особенное значимо, когда оно требует своего отражения в создании собственной модели хозяйства и в специфике проведения экономической политики. Реально существующее в мировой хозяйственной практике многообразие в национальных хозяйственных моделях подтверждает объективную потребность в теории национально-особенного в хозяйственном устройстве и экономическом развитии.

И чем многообразнее и масштабнее национальная специфика, тем выше объективная потребность в разработке специфичной в этом смысле экономической концепции. Последняя может выступать в двух вариантах: в виде концепции приспособления всеобщих форм хозяйствования или в качестве концептуального обоснования создания особой хозяйственной системы — силами соответствующей школы научной мысли. Она в состоянии, естественно, использовать наработки других школ, в том числе претендующих на раскрытие всеобщего и универсального в экономике, но главным ее предназначением становится учет национально-особенного в экономическом развитии.

Еще одно основание возникновения национальных экономических школ состоит в следующем: экономическое знание, формируемое в каждой стране, не может не отражать самобытность национального менталитета и определенного типа мыслительной деятельности. Тем более, что и хозяйствующий субъект в реальной экономике не может быть признан только абстрактным «экономическим человеком», ибо в каждом случае он выступает как вполне конкретный «национальный человек». Вообще, нация играет весьма значимую роль в осмыслении людьми их места в мире и хозяйстве. Общий язык и культурная традиция, лежащие в ее основании, превращают обособленных и различающихся по характеру и по многим другим признакам индивидов и групп в общность, скрепленную узами, как правило, более прочными и устойчивыми, чем, к примеру, социально-классовые.

Роль нации в хозяйственной деятельности подтверждается и другим обстоятельством. Дело в том, что для нее самой организация хозяйства выступает неотъемлемой сферой формирования соответствующей стороны мировоззренческих и ценностных ориентаций. Не случайно принципиальные представления об экономике и ее роли в жизни общества, как и взгляды на экономические категории и методы хозяйствования, различаются не только по основным цивилизациям, но и внутри них — по более узкому этническому признаку. Возникающие национальные экономические школы, естественно, сказываются на формировании основ национального самосознания и мировоззрения.

Наконец, надо учитывать, что за реальной экономикой стоят не только общие принципы функционирования хозяйственных систем и нейтрально протекающие процессы, но скрываются национальные экономические интересы и ведется жест-

кая конкурентная борьба за наиболее выгодные позиции в международном разделении труда. Поэтому экономическая наука выполняет не только узко понимаемую идеологическую функцию, связанную с социально-классовыми интересами, но и играет более существенную роль — отражать и защищать национальные экономические интересы в конкурентной борьбе, ведущейся в мировом хозяйстве. Национальный характер экономической науки как раз связан с ее значением в поиске конкурентных преимуществ соответствующей страны в международном разделении труда. Поскольку же таковые возникают, как правило, на базе «особенного» в устройстве экономики, задача национальной школы — не просто фиксировать самобытные элементы в хозяйственном устройстве и экономическом поведении, но и искать пути их превращения в преимущества, о которых идет речь.

Таким образом, для утвердительного ответа на сформулированный ранее вопрос о том, может ли экономическая наука быть национальной, имеются достаточно веские основания. И как может быть иначе, если одним из главных объектов экономического анализа даже в условиях современной глобализации остается национальная экономика, определяющая объективную необходимость возникновения теории национально-особенного как составной части экономической теории? Если непосредственными участниками хозяйственных процессов выступают нации со своими социо-культурными, религиозными, поведенческими традициями и особенностями экономического мышления? Если экономическая наука играет важную роль в обосновании превращения национально-особенного в соответствующие конкурентные преимущества и на этой основе в выполнении функции защиты национальных экономических интересов? Если наука и экономисты используют язык своей нации в творческой деятельности и в реализации ее результатов в хозяйственной практике?

3. Русская экономическая школа: три начала, три источника

Обратимся теперь к вопросу: что представляет собой русская экономическая наука в мировых координатах? Поскольку речь идет об обширной, давно обсуждаемой (и, очевидно, не поддающейся полному раскрытию в рамках журнальной статьи) теме, она рассматривается ниже только под одним углом зрения — насколько основательны претензии этой науки на статус национальной школы. Понятно, что решение данной проблемы требует обращения к сюжету о степени самостоятельности процессов становления и развития экономической науки в России и о мере западного на них влияния.

С самого начала дискуссии мнения экономистов на сей счет разделились, но уже в пионерных публикациях обосновывалась позиция, отвергающая абсолютизацию подражательного характера экономических воззрений в России, их интерпретацию как заимствованных исключительно у мыслителей из стран Западной Европы. Это проявилось в первой статье, специально посвященной истории отечественной экономической науки — статье профессора Московского университета В.Н. Лешкова «Древняя русская наука о народном богатстве и благосостоянии», опубликованной в 1855 г. и посвященной сопоставлению трех самых ранних и заметных экономических произведений Московской Руси и Российской империи — «Домостроя» (версии XVI века), «Книги о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова (1724 г.) и «Инст-

рукции» А. Волынского (1724 г.). Выявляя своеобразие взглядов их авторов, ученый обратил внимание на весьма существенную разницу между западными и русской интерпретациями богатства как ключевого экономического понятия в формирующихся новых условиях хозяйствования. «Западная наука о богатстве, — подчеркивал он, — не может бедняка сделать богатым; русская вовсе не берется за эту задачу; но делает более, уча довольствоваться тем, что есть, вкореняя убеждение, что богатство не есть цель, а средство»⁵. Рассматривая экономическую науку как учение о народном богатстве, Лешков не без основания относил ее зарождение в России в качестве самобытного научного направления к XVI—XVIII вв.

Думается, такая позиция имеет, пусть с известными оговорками, право на существование. Во всяком случае, она соответствует общей закономерности рождения экономической науки под влиянием объективной потребности в изучении новой и более сложной хозяйственной реальности и вследствие необходимости выработки практических рекомендаций. В этой связи особо следует отметить «Книгу о скудости и богатстве». М.П. Погодин, впервые опубликовавший этот труд в 1842 г., оценивал его как политическую экономию «здорового смысла» и «полный трактат о состоянии России», а А.Н. Миклашевский в своем биографическом очерке, посвященном русскому мыслителю (1898 г.), охарактеризовал Посошкова как «первого русского экономиста», сочинение которого «не имеет узкоэкономического характера», представляя собой «оригинальное сочетание меркантильных идей с каноническими идеями Запада — сочетание тем более любопытное, что оно создано вне всяких литературных западно-европейских влияний»⁶.

Можно считать, что в ранних трудах русских мыслителей закладывалась возможность возникновения и закрепления собственного и самобытного подхода к анализу хозяйственной жизни, принципиально отличного от западного взгляда на экономику. Этот подход отличали особое внимание к нравственной составляющей хозяйственной деятельности, акцентирование проблемы «правильного распределения» в интересах приумножения общественного богатства, неприятие «неправедного богатства» и утверждение приоритетности трудовой деятельности на основе православно-христианских ценностей. Существенной в таком подходе выступала сама трактовка места хозяйственной деятельности в жизни общества и его отдельных членов. Размышляя над проблемой «западная политическая экономия и Россия», один из видных представителей славянофильства И.В. Киреевский уже ближе к середине XIX в. писал следующее: «Западный человек искал развитием внешних

⁵ Лешков В. Н. Древняя русская наука о народном богатстве и благосостоянии: В воспоминание 12 января 1855 г. / В кн.: Из воспоминаний 12-го января 1855 года: Учебно-литературные статьи профессоров и преподавателей Императорского Московского Университета, изданные по случаю его столетнего юбилея. — М., 1855. — С. 14.

⁶ Большая биографическая энциклопедия. — М., 2009 (http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/). В дальнейшем самостоятельность экономических взглядов русских экономистов обосновывалась и применительно к более поздним периодам экономического развития нашей страны. Так, в 1899 г. М. Филиппов, констатируя наличие параллелей в развитии политической экономии в России и на Западе, в то же самое время утверждал, что это параллели, «не исключают, разумеется, и индивидуальных черт русской науки, находящихся в связи с особенностями нашего экономического быта и особыми условиями развития у нас общественной мысли» (цит. по: История русской экономической мысли. Том 1. — М., 1955. — С. 26).

средств облегчить тяжесть внутренних недостатков. Русский человек стремился внутренним возвышением над внешними потребностями избежать тяжести внешних нужд. Если бы наука о политической экономии существовала тогда, то, без всякого сомнения, она не была бы понятна русскому. Он не мог бы согласиться с цельностью своего воззрения на жизнь — особой науки о богатстве. Он не мог бы понять, как можно с намерением раздражать чувствительность людей к внешним потребностям только для того, чтобы умножить их усилия к вещественной производительности. Он знал, что развитие богатства есть одно из второстепенных условий жизни общественной и должно потому находиться не только в тесной связи с другими высшими условиями, но и в совершенной им подчиненности»⁷.

Ключевая идея целостности мира человека закономерно подводила к расширительной версии исходного экономического понятия богатства. Последнее не только превращалось из «цели» в «средство» хозяйственной деятельности, о чем речь уже шла, но и корректировалось по содержанию и составу. Не сводимое в этой версии к вещественной (денежной) составляющей, богатство включает в себя, причем в качестве главного, «невещественный» компонент, определявшийся Посошковым как стремление к «истинной правде»⁸.

Понятно, что описанные отличительные характеристики в трактовке хозяйственной деятельности первыми русскими экономистами отражали доминирование сохранявшейся в стране патриархальности, незрелость рыночных отношений (не говоря уже об их капиталистической форме), статичность и застойность в экономическом развитии. В этом плане ситуация в отечественной экономике существенно отличалась от ситуации в европейских странах формировавшегося первого эшелона рыночно-капиталистической системы хозяйства. Вместе с тем возникновение самобытных экономических взглядов не в меньшей степени обуславливалось корневыми особенностями менталитета населения страны, его ценностными традициями, своеобразием духовной и мыслительной практики. Все это в совокупности определяло возможность последующего выхода на самобытную модель русского хозяйства («экономике домостроительства»⁹), подкрепленного соответствующей научной школой в экономике.

Однако этого не произошло. Ставка была сделана на перенесение опыта развития рыночной экономики по европейской модели — в надежде на форсирование развития и ускоренное преодоление экономического отставания. Ростки самостоятельных экономических взглядов были вытеснены в результате массированного внедрения возникшей в Европе молодой науки — политической экономии, что не

⁷ К и р е е в с к и й И. В. Духовные основы русской жизни. — М., 2007. — С. 216.

⁸ Вот как это утверждение представлено в самом начале его произведения: «Паче вещественнаго богатства надлежит всем нам обще пещися о невещественном богатстве, то есть о истинной правде» (П о с о ш к о в И. Т. Книга о скудости и богатстве. — М., 2003. — С. 21). **От редакции:** цитируемое автором переиздание трактата Посошкова, осуществленное ИД «Экономическая газета», было представлено на страницах «Российского экономического журнала» [см.: Я к у т и н Ю. О книжных новинках Издательского дома «Экономическая газета». — 2003. — № 9-10; С л а в к и н а М. О нынешнем звучании реформационного плана трехвековой давности (размышления над переизданной «Книгой о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова). — 2003. — № 11-12].

⁹ Об «экономике домостроительства» см., например: Ю д и н а Т. Н. Домостроительство как экономическая система: история, методология, теория. — М., 2010.

могло не дать формального повода для утверждений о несамостоятельном характере появления русской экономической мысли. В формировавшихся новых исторических координатах взгляды русских экономистов оценивались уже в контексте того влияния, которое исходило от заимствования не только хозяйственных и политических форм, но и элементов экономического знания.

Такое утверждение и оценки подкреплялись двумя главными аргументами. Во-первых, даже в случае признания оригинальности первых трактатов русских экономистов они квалифицировались не как научные произведения в их точном понимании, а как «экономическая публицистика»¹⁰. Продолжая эту характеристику, во-вторых, обращали внимание на отсутствие в трудах, о которых идет речь, разработанной системы категорий и законов, обобщающих изучение хозяйственных процессов. Заметим, что публицистичность и недостаток инструментальной составляющей в исследованиях и в дальнейшем интерпретировались в качестве главных изъянов в развитии русской экономической науки, отличающих ее от западной («правильной») науки.

Отталкиваясь от этих доводов, сторонники иностранных истоков экономической науки в России умозаключали, что само ее появление произошло под прямым воздействием возникавших в Европе экономических школ, первоначально — английской классической школы, а затем и других (французской и немецкой)¹¹. Предположение о вторичности экономических взглядов русских экономистов, аргументировали также ссылкой на синхронизацию изменений этих взглядов с переменчивой европейской модой. Не избежал указаний на «синхронизацию» и В.В. Святловский, специально посвятивший один из разделов своего исследования изучению «иностранных влияний» на русских экономистов и политиков¹². Вплоть до настоящего времени немалое число российских авторов (не говоря уж об авторах зарубежных) связывает развитие экономической науки в нашей стране с теми сдвигами, которые происходили и происходят в мировой экономической мысли.

О том, что «иностранные влияния» в России присутствовали и были значительными, сомневаться не приходится. Ведь, начиная с Петра I, общая стратегия развития была нацелена на массивную вестернизацию страны, в которой заимствование западных экономических идей играло едва ли не одну из ключевых ролей. При этом растущая мода на политэкономические знания по аналогии со странами Европы распространилась на российское образованное общество. Учтем, что воспитание и образование как членов российского императорского дома, так и большей части

¹⁰ Так, признавая труд Посошкова «совершенно оригинальным», написанным без всякого внешнего влияния на автора, известный историк экономической мысли В.В. Святловский считал, что «Посошков не был теоретиком-ученым, а лишь публицистом-практиком, мечтавшим о реформах в России и безотрадно смотревшим на ее действительность» (См.: Историки экономической мысли в России: В.В. Святловский, М.И. Туган-Барановский, В.Я. Железнов / Под ред. М.Г. Покидченко, Е.Н. Калмычковой. — М., — 2003. — С. 62).

¹¹ Вполне в духе отрицания самостоятельности возникновения русской экономической мысли вышеупомянутый немецкий историк в качестве начальной точки своего анализа выбрал 1805 г., имея в виду, что в этом году вышел первый учебник политической экономии (русский перевод «Начальных оснований государственного хозяйства» Х.А. Шлёцера). См.: Ц в а й н е р т Й. Указ. соч. — С. 24—25.

¹² См.: Историки экономической мысли в России. — С. 66—88.

дворянского сословия, представлявшего собой основу правящей элиты, находилось под плотным и длительным воздействием западноевропейских культуры, образа жизни и языков, формировавшим соответствующие стиль жизни и характер мыслительной деятельности. Этому не могла не способствовать и специфика исторического становления российского дворянства, которое, по оценкам, почти наполовину имело нерусское, европейское происхождение¹³.

В силу приоритетов сложившихся международных хозяйственных, политических и культурных связей России особую роль в истории отечественной науки, в том числе науки экономической, и сыграли выходцы из Германии¹⁴. Хорошо известно, что первым российским академиком-политэкономом стал немец по происхождению А. Шторх (в 1803 г.)¹⁵, а первым профессором-политэкономом в России — Х.А. Шлецер, который возглавил созданную в 1804 г. в Московском университете кафедру «дипломатики и политической экономии» и руководил ею до 1825 г.; им же был издан первый в России учебник по политической экономии¹⁶, переведенный на немецкий и французский языки. Стоит, кстати, отметить и активное участие немецких экономистов в российской системе государственного управления. Так, из 115 лет существования Министерства финансов Российской империи (с момента образования в 1802 г. до революции 1917 г.) в течение 69 лет его возглавляли этнические немцы (7 из 18 министров¹⁷).

Повышенный и устойчивый интерес к европейским науке и образованию имел разные формы реализации. Здесь и приглашение в страну иностранных ученых-экономистов¹⁸, и одновременно направление на обучение в Европу представителей русского образованного общества. Согласно приблизительным подсчетам, в течение ХУІІІ — ХІХ вв. в европейских университетах обучалось и стажировалось более 20 тыс. человек из России (для сравнения: по имеющимся данным, с 1859 по 1900 г. российские университеты подготовили всего 58 тыс. специалистов¹⁹).

Во многих случаях активным ретранслятором европейских экономических идей, хозяйственного и управленческого опыта выступала высшая власть в стране. В

¹³ См.: Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX в.). — М., 2007. — С. 73.

¹⁴ См.: Широкоград Л. Влияние немецкой экономической науки на формирование политической экономии в России в XVIII — первой половине XIX в. // Вестник СПбГУ. Сер. экономика. — 2004. — Вып. 3.

¹⁵ **От редакции.** В № 6 «Российского экономического журнала» за 2010 г. было представлено пионерное полное издание на русском языке произведений этого ученого, осуществленное ИД «Экономическая газета» (см.: Шторх Андрей. Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благосостояние. Размышление о природе национального дохода. — М., 2008); кроме его общего описания, мы воспроизвели включенную в том статью Л. И. Абалкина «Андрей Шторх и современность».

¹⁶ См.: Шлецер Х. А. Начальные основания государственного хозяйства или Науки о народном хозяйстве. В 2-х частях. — М., 1805—1806.

¹⁷ Это Е.Ф. Канкрин, П.Ф. Брок, М.Х. Рейтерн, С.А. Грейг, Н.Х. Бунге, С.Ю. Витте и П.Л. Барк.

¹⁸ С момента создания Академии наук (1725 г.) и вплоть до конца XVIII в. большинство ее членов были иностранцы. В 1799 г. таковыми из 111 членов Академии являлись 76 ученых, причем 68 из них — немцы. Численно доминировать русские академики стали только во второй половине XIX в.

¹⁹ См.: Алексеева Е. В. — Указ. соч. — С. 27.

освоении россиянами соответствующих теоретических разработок она видела не просто перспективу приобщения русской интеллигенции к западной научной традиции, но и важный общественно-образовательный, а в конечном счете и реальный реформационный фактор. Поэтому неудивительны активная популяризация новых экономических знаний в официальных правительственных изданиях, организация переводов зарубежных сочинений по экономике. Причем во многих случаях такого рода переводы выполнялись по прямому заказу правительства и при его финансовой поддержке. Именно так в 1802—1806 гг. появилось первое издание на русском языке «Исследования о природе и причинах богатства народов» А. Смита²⁰.

Важными факторами в распространении экономических знаний, разработанных в Европе, стало создание кафедр политической экономии²¹ и включение политической экономии и статистики в число обязательных дисциплин, преподаваемых в университетах. Стоит особо подчеркнуть, что именно университетская профессура в наибольшей степени тяготела к западническому выбору России, а потому ее идейно-теоретические поиски находились под сильным влиянием изменчивой европейской научной моды. В дореволюционный период профессура активно осваивала и либеральные, и марксистские идеи²².

Все это создает впечатление о едва ли не исключительной роли европейской экономической мысли в формировании экономической науки в России. Впечатление усиливается узкой трактовкой сферы развития экономической науки, ограничением этой сферы сугубо научно-образовательной деятельностью, осуществляемой академическим сообществом. При этом преобладание подражательных настроений в ней, как писал В.М. Штейн, приводило к тому, что «страницы трудов наших экономистов наполнялись рассуждениями о явлениях, которые почти никакой роли в русском хозяйстве не играли ... Для них основным сюжетом остается капиталистическое предприятие и отношение между предпринимателями и рабочими, разрабатываемые по книжной, а не жизненной канве»²³.

Не отрицая значимости иностранного влияния на формирование российской экономической мысли, обратим, тем не менее, внимание на другие истоки, сыгравшие

²⁰ Кроме труда Смита, в первые годы XIX столетия на русский язык были переведены следующие работы: Гершеншанд И. О новейшем государственном хозяйстве. — СПб., 1807; Дерри. Политическая экономия или о государственном хозяйстве. — СПб., 1810; Лудердаль. О народном благосостоянии. СПб., 1811; Сартorius Г. Начальные основания народного богатства и государственное хозяйство, следуя теории Адама Смита. — Казань, 1812; Эй Ж. Б. Сокращенное учение о государственном хозяйстве. — СПб., 1816.

²¹ Первые кафедры политической экономии были созданы в Московском и Казанском университетах (1804 г.), в Санкт-Петербургском университете (1819 г.).

²² В качестве иллюстрации можно констатировать большую популярность в нашей стране «Капитала» К. Маркса, о чем сам его автор писал Ф. Зорге в ноябре 1880 г., указав, что в России его «больше читают и ценят, чем где бы то ни было...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 34. — С. 380). В этой же связи стоит отметить следующие факты. Первый перевод первого тома «Капитала» был осуществлен не на английский язык (хотя именно в Британии и на ее социально-экономических реальностях данное сочинение и было написано), а как раз на русский язык. Английское издание появилось только в 1886 г. после смерти Маркса (1883 г.).

²³ Штейн В. М. Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX веков. — Л., 1948. — С. 86.

свою немалую роль в процессе становления экономической науки в России. Тем более, что соответствующие воззрения развивались, причем данное обстоятельство хотелось бы подчеркнуть особо, — не только в университетской и академической среде, но и в Вольном экономическом обществе (учрежденном в 1765 г. «для поощрения земледельства и экономии», а также для изучения и обобщения зарубежного опыта хозяйствования), в многочисленных общественно-политических кружках и журналах²⁴, в которых непрерывно велась обстоятельная полемика о насущных проблемах развития страны; напряженно дебатировались прежде всего темы отмены крепостного права и судеб капитализма в России. Активному обсуждению в российском обществе экономических вопросов способствовали проведение конкурсов на актуальные хозяйственные темы.

В этой многоликой общественно-политической среде был представлен значительно более широкий спектр взглядов по экономическим вопросам, выдвигались и оттачивались оригинальные научные идеи и практические рекомендации, не привязанные к выводам и результатам зарубежных авторитетов. Ранее цитировавшийся Штейн в данном контексте обратил внимание на следующую примечательную деталь: «Историки политической экономии потому долгое время и не замечали в России самостоятельной мысли, что она воплощалась не в толстых томах, написанных согласно требованиям западно-европейских методологических канонов, а в журнальных статьях, в записках, имевших привкус «нелегалщины», или даже в критических отзывах о литературных произведениях»²⁵.

Еще одним живительным источником отечественной экономической мысли стала опора на формирующуюся русскую школу философии с ее особым вниманием к проблеме человека, его познания и к самим познавательным возможностям, что воплотилось в оригинальной разработке такого научного направления, как философская антропология — наука, изучающая место человека в мире и обществе. Вообще, естественно, что авторы экономических идей, возникающих в каждой стране, черпают свое вдохновение в сложившихся философских концепциях, закладывающих методологический каркас в познавательную практику и формирующих исследовательскую повестку для всех ветвей общественно-научного знания. Поэтому взгляды об особом историческом пути России вполне закономерно первоначально родились и развивались в острых дискуссиях в рамках общих историософских и философских представлений, а затем уже по эстафете транслировались в другие сферы научного знания, включая экономическую. Именно так последовательно разрабатывалась отечественная тематика, нашедшая свое законченное воплощение в «русской идее» и в постановке вопроса о самобытном пути развития нашей страны. Для ее полномасштабного раскрытия потребовались как творческое освоение зарубежного теоретического знания об обществе и закономерностях его развития, так и непосредственное изучение собственного опыта России при пристальном внимании к православной духовной практике русского народа, отраженной в его национальной культуре и менталитете. При этом само выдвижение

²⁴ Так, если в течение всего XVIII столетия в России одновременно выходили 119 наименований периодических изданий, то в следующем веке их число возросло до 2173 (См.: А л е к с е в а Е. В. Указ. соч. — С. 79).

²⁵ Ш т е й н В. М. Указ. соч. — С. 86.

«русской идеи» создавало мощный творческий импульс к научному поиску. Об этом точно высказался русский философ И.А. Ильин, который ее саму рассматривал как «творческую идею», выражающую «русское историческое своеобразие и в то же время — русское историческое призвание»²⁶.

Уже с появлением славянофильства в 1830—1840-е годы была четко обозначена возникшая в России устойчивая оппозиция западной традиции в научных взглядах об обществе и его хозяйстве. «Одно из этих направлений, — отмечал А.С. Хомяков, — открыто признает за русским народом *обязанность самобытного развития и право самотрудного мышления*; другое, в выражениях более или менее ясных, отстаивает обязанность постоянно ученического отношения нашего народа к народам Западной Европы и недавно высказалось .., с крайней наивностью, в определении, что *учение есть ни более, ни менее, как подражание*»²⁷.

Развивая такую оценку, можно утверждать, что закономерность появления самобытного взгляда на природу экономических отношений в стране объясняется универсальной потребностью в познании окружающего мира, присущей любому народу. На примере философской науки, более сложной и требовательной к мыслительной технике и практике, другой представитель славянофильства Ю.Ф. Самарин вполне логично вопрошал: «... Почему же именно у нас никакая действительная причина не может возбудить в ком бы то ни было искренней потребности заняться философией вообще и гегелевской в особенности?» И он же давал вполне убедительный ответ: «Начало философии — в акте самосознания, в различении я от не я; отсюда — потребность постигнуть закон мышления и воли, отношение их к объективному миру, отношение свободы к необходимости, понятия к явлению. Философия началась вместе с человеком и в развитии своем предшествовала обособлению других сфер знания в самостоятельные науки»²⁸.

Стремление к самостоятельному познанию мира хозяйственных отношений еще более существенно, поскольку дополнительно отражает потребность в освоении и применении полученных знаний в практической сфере, имеющих жизненное значение для любой страны и по сути дела для каждого человека. Поэтому неудивительно, что теоретические взгляды и рекомендации русских экономистов, приверженных разным научным школам, пусть далеко не всегда отличались новизной, но благодаря необходимости придания им конструктивно-практической нацеленности не могли не содержать мощного элемента переосмысления и приспособления к конкретной российской почве²⁹.

Важно подчеркнуть, что постепенное переключение внимания русских экономистов с абстрактно-теоретических тем на проблемы, стоящие перед российской эконо-

²⁶ См.: Русская идея /Сост. и авт. вступ. статьи М.А. Маслин. — М., 1992. — С. 436.

²⁷ Хомяков А. С. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1994. — С. 519.

²⁸ Самарин Ю. Ф. Православие и народность. — М., 2008. — С. 480—481.

²⁹ Характерно, что в том же направлении шло развитие русской философско-обществоведческой мысли. Г.И. Федотов выразил его в виде формулы: «От Шеллинга и Германии к России и православию — таков «царский путь» русской мысли» (Федотов Г. И. Судьба и грехи России. Т. 1. — СПб., 1992. — С. 86). Интересен и следующий эпизод из жизни И. В. Киреевского. Как и все славянофилы, он увлекался Шеллингом, но впоследствии, по собственному признанию, обнаружил все, что привлекало его в трудах немецкого философа, в восточно-христианских святоотеческих произведениях.

номикой, предопределило поворот в развитии академической и университетской экономической науки. Она во все большей степени переориентировалась с сугубо образовательно-познавательной деятельности, опиравшейся преимущественно на иностранные источники, на исследование реальной экономики России. Соответственно в ней возникали течения, преодолевшие ученичество и подражательство модным экономическим теориям Запада. И есть веские основания считать, что поворот, о котором идет речь, произошел в середине XIX столетия, когда страна вступила в эпоху судьбоносных реформ в экономике и обществе³⁰.

В отмеченный новый период развития российской университетско-академической экономической науки в ней наблюдается определенное размежевание и формируются две линии. С некоторой долей условности можно утверждать, что одна ориентировалась на изучение универсально-всеобщего в экономике, другая — на национально-особенное (причем представители второй линии профессиональной экономической науки не могли не взаимодействовать с другими группами мыслителей, формально не являвшихся экономистами; это были ученые других общественных профилей и ученые-«естественники», публицисты, писатели, политические и общественные деятели. Вполне понятно, что в каких-то точках идеи носителей двух выделенных линий непосредственно пересекались, но в других расходились, и весьма существенно. В целом применительно к первой линии можно говорить о продолжении исследований в рамках сложившихся в мире школ и с преимущественной ориентацией на собственно научные интересы — исследований, воплощавшихся по ряду направлений в новаторские результаты (например, в теории циклов и кризисов). Применительно ко второй — о формировании национальной (русской) школы экономической мысли в узком понимании, четкая ориентация которой на хозяйственные проблемы России стимулировала самостоятельность и творческий подход в исследованиях.

Таким образом, становление экономической науки в России не связано исключительно с западным влиянием. Хотя на начальных этапах оно и доминировало в академической и университетской среде, но утверждение и развитие отечественной научно-экономической школы происходило главным образом в других сферах жизни общества, прямо не связанных с «чистой» наукой и образовательной деятельностью. Соответственно историю развития экономической мысли в России нельзя ограничивать этими — академической и университетской — сферами. В связи с этим обнаруживаются минимум три начала, раскрывающие многообразие причин появления экономической науки как самостоятельной отрасли знания. Это начала, связанные с потребностью, во-первых, в познании окружающего хозяйственного мира. Во-вторых, — в формировании экономической политики страны и в выработке практических рекомендаций для организации хозяйственной деятельности.

³⁰ Так, согласно одной из оценок, «в российской экономической науке середины XIX в. наконец происходит соединение теоретической и практической линий. Университетские профессора (И. Вернадский, И. Горлов, В. Безобразов и др.) в своих научных трудах стали все больше уделять внимания реальной экономике России, приветствуя прогресс в сфере производства и в капиталистических отношениях в целом» (П о к и д ч е н к о М. Г. Особенности национальной экономической мысли России В сб.: История мысли: Русская мыслительная традиция /Под ред. И.П. Смирнова. Вып. 4. — М., 2007. — С. 14).

В-третьих, — в изучении и использовании научных идей и хозяйственного опыта других стран.

В связи с этим источниками становления и развития экономической науки в России послужили: 1) западные экономические школы, сыгравшие ведущую роль в зарождении университетско-академической науки в стране; 2) ранние экономические взгляды русских мыслителей, в которых содержались зачатки представлений о собственной модели хозяйствования и отражались особенности экономического менталитета и хозяйственной практики (первые затем развивались в трудах экономистов отечественной школы); 3) русская философия, сформировавшая свою методологическую и общетеоретическую платформу на основе изучения самобытности нашей цивилизации, ее хозяйственной сферы и мыслительной практики.

4. Возникновение политической экономии особенного в России и ее значение

Неодинаковые истоки зарождения и последующего развития русской экономической науки послужили основанием для постепенного формирования в ней двух методологических полюсов. Один из них ориентировал на изучение универсально-всеобщего в экономике и потому в значительной мере был погружен в общемировой контекст экономической науки, воспроизводя в своем развитии новые течения и внося свой посильный вклад в ее продвижение. Второй полюс возник под воздействием потребности в осмыслении национально-особенного в хозяйственном устройстве России; это осмысление и нашло свое выражение в поиске и обосновании российского пути экономического развития.

Со временем резкость, контрастность размежевания в экономической науке изживались и, скорее всего, «примирительная» эволюция продолжится. Тем не менее эти полюса сохраняются. В чем причины?

С одной стороны, их наличие отражает дискурсивный характер самой научной деятельности и естественную конкуренцию разных научных школ; само по себе многообразие экономических подходов в стране — вполне стандартная ситуация в науке. С другой стороны, есть причина куда более серьезная. Речь идет о том, что постоянно возникавшие трудности и сбои в переустройстве экономики по чужим образцам с объективной неизбежностью рождали сомнения в правильности сделанного выбора, побуждали выдвигать оригинальные экономические идеи и разрабатывать альтернативные проекты хозяйственного развития России, ориентированные на ее специфику.

В связи с этим напрашивается обращение к истории немецкой экономической науки, становление которой тоже происходило в ситуации трудного модернизационного старта страны и в которой первоначально возобладало повышенное внимание к национальному своеобразию. И этот акцент нашел яркое выражение в выборе такого собственного пути вхождения в хозяйственную проблематику, как зарождение немецкой исторической школы (в разных ее версиях). Само ее возникновение стало заметным событием также для мировой науки, заложив в ней альтернативные направления и обусловив конкуренцию идей. Однако постепенно, по мере успешного хозяйственного переустройства Германии и ее вхождения в зону мирового лидерства, в экономической науке этой страны на первый план выходило изучение всеобще-универсального и наблюдалось сближение с другими научными

школами. Комментируя этот опыт Германии, следует подчеркнуть, что тенденция к «растворению» национально-особенного во всеобще-универсальном оказывается оправданной в случае бесспорной успешности самой преобразовательной деятельности и достижения серьезных результатов в социально-экономическом развитии страны. Тогда экономисты могут относительно безболезненно для общества переключиться на вопросы развития своей науки как таковой, на проблемы познания общих закономерностей хозяйственной жизни.

Впрочем, поскольку Россия несопоставима с Германией и другими западными государствами по территориальным масштабам, разнообразию природных условий, по своим цивилизационным и историческим характеристикам, российские национально-особенные доминанты в любом случае еще долго будут оставаться в центре внимания экономистов. И, возвращаясь к истории развития русской экономической мысли, нельзя не отметить, что пристальный интерес к объекту исследования (экономике России) постепенно формировал единые методологические и теоретические стандарты, сближал рекомендации в обосновании экономического курса страны, создавал исследовательские традиции, воспроизводимые разными поколениями своих приверженцев. Этим закладывались предпосылки в становлении отечественной экономической школы в более строгом значении. Ее целесообразно определять как *русскую школу национальной экономики* или *политическую экономию особенного*.

Поясним, почему в таком определении соединены понятия «национальная» и «политическая» экономии. Казалось бы, само выдвижение термина «национальная экономия», предложенного немецким экономистом Ф. Листом в 1841 г., было направлено как раз на выдвижение альтернативы понятию политическая экономия, представленного в научной школе Смита. Лист, позицию которого впоследствии активно развивал в России С.Ю. Витте, по этому поводу давал такое объяснение: экономия политическая (или национальная) «учит, каким образом данная нация при современном положении всего света и при наличности особых национальных отношений может сохранять и улучшать свое экономическое положение», в то время как экономия космополитическая (мировая) «исходит из гипотезы, что нации всего земного шара образуют собою одно общество, пребывающее в вечном мире»³¹.

Иначе говоря, национальная экономия отличается от политической экономии выбором главного объекта изучения, в качестве которого выдвигается народное (национальное) хозяйство стран, равно как и субъектов, каковыми являются национально-этнические общности. Если классическая политическая экономия — это наука о всеобщем в экономике, то национальная экономия — это наука об особенном. Что же касается предмета изучения, то он во многом совпадает, имея в виду ориентацию на изучение экономических отношений. В одном случае они выступают как отношения между универсальными хозяйствующими агентами (продавцами и покупателями, предпринимателями и наемным персоналом и т.п.), во втором — как национальные экономические отношения. Поэтому национальная экономия остается по многим методологическим канонам в рамках политико-экономической

³¹ См.: Л и с т Ф. Национальная система политической экономии. В и т т е С. Ю. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист. М е н д е л е в Д. И. Толковый тариф или Исследование о развитии промышленности России и в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года. — М., 2005. — С. 116).

парадигмы³². Это позволяло Листу и его сторонникам в самых разных странах не просто разрабатывать самодостаточную теоретическую конструкцию со своим автономным содержанием и понятийным аппаратом, но и вести плодотворную дискуссию с классической школой по теоретическим и практическим вопросам. Предметом обсуждения становились как изучение общих закономерностей, факторов и ограничителей экономического развития, так и обоснование стратегии преодоления экономического отставания, проведение индустриализации и проблема взаимодействия с внешним миром на примере использования протекционистской политики.

Разработка своего варианта политической экономии особенного стало главным направлением развития отечественной научной традиции. Названная школа в свой состав включала разные течения — такие, как славянофильство, народничество, православно-самодержавная ветвь, а также философию хозяйства, евразийство, экономическую теорию социализма, не говоря уже о множестве разработок экономистов, формально к этим течениям не принадлежавших (к примеру, Д.И. Менделеева, С.Ю. Витте). Можно ли ее считать школой русской экономической мысли? На этот счет существуют противоположные взгляды, и одно из мнений таково: «Казалось бы, вот она — так страстно желаемая нашими «самобытниками» «национальная школа экономической мысли», но в то же время не надо забывать, что это — историческая школа, зародившаяся в Германии и получившая распространение в России, США, Англии и Франции»³³.

Конечно, русскую школу национальной экономии (политическую экономии особенного) можно и нужно трактовать в координатах мировой экономической науки, помещая ее в ту часть, которая представлена историческими школами или которая вполне соответствует идеологии консерватизма³⁴. Но такая близость с экономическими школами других стран или развитие каких-либо идей с опорой на сложившееся научное направление не разрушает саму конструкцию национальной школы. Еще раз стоит подчеркнуть, что сам ее статус не предполагает нечто, существующее абсолютно вне мировой науки, которая и есть совокупность школ и течений, включая национальные их проявления. К тому же совпадающие проблемы экономического развития в странах могут создавать объективные основания для их параллельной разработки. Также как и внутренняя логика развития самой экономической науки может приводить к возникновению одной и той же теоретической концепции, не исключая «залповую» разработку общих теоретических проблем экономистами разных стран.

В этой связи можно привести такой характерный пример. Немецкие экономисты, преподававшие и занимавшиеся практической деятельностью в России, находясь под влиянием соответствующей «окружающей среды» и «духовного климата», получали необходимый материал для понимания относительности абстрактных экономических законов, выведенных дедуктивным методом английской школой полит-

³² Обратим внимание на то, что название своего произведения Ф. Лист, видимо, осознанно обозначил как «национальная система политической экономии» («Das Nationale System der Politischen Ökonomie»).

³³ Покидченко М. Г. — Указ. соч. — С. 15.

³⁴ О связи школы национальной экономии с консерватизмом см. раздел «Российская школа национальной экономии: идеи консерватизма» книги: Рязанов В. Т. Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике. СПб., 2009. — С.173—192.

экономии, и становились невольными сторонниками более полного учета своеобразия хозяйствования. В порядке иллюстрации можно привести следующую конкретную деталь. Она касается обоснования А. Шторхом необходимости изучения в политической экономии не только материального, но и нематериального богатства³⁵, что сближает его позицию с отмеченными выше взглядами ранних русских экономистов по этому вопросу. Такое взаимное влияние экономистов двух стран, отражающее в том числе общность научных и практических проблем, стоящих перед Германией и Россией, даже дало повод для предположения о возникновении «немецко-русской школы» в экономике, которое первоначально сформулировал немецкий экономист В. Рошер в 1870 г.³⁶

От общего подхода в рамках школы национальной экономии, нацеленной на изучение особенного в хозяйственной деятельности, присущей практически каждой стране, отечественная экономическая мысль, творчески изучая его на примере России, смогла выйти на рельсы самостоятельного развития, далеко уходя от ее изначальных (немецких) истоков. Характеризует ее несколько ключевых оснований: выдвигание «особенного» в экономике, которое они исследовали на примере России, опора на эмпирический метод, учет взаимосвязи экономических и неэкономических факторов в хозяйственном строе и в экономическом развитии, последовательная защита национальных экономических интересов. Это как раз те предпосылки, которые объясняют условия и причины возникновения национальной экономической школы. В конечном счете вклад российской школы национальной экономии связан не с воспроизведением постулатов и выводов, заложенных в истори-

³⁵ **От редакции.** Как уже отмечалось на страницах нашего издания в связи с наследием ученого (см. редакционное примечание к вышеупомянутой перепечатанной в № 6 за 2010 г. статье Л. И. Абалкина «Андрей Шторх и современность»), действительный вопрос состоит не в том, надо или не надо «изучать в политической экономии» не только материальное, но и нематериальное богатство, а в том, *как* это богатство изучать со специфически политэкономических позиций, без утраты собственного предмета этой науки, коим, согласно классической традиции в ее высшей, марксистской, версии, являются системы производственных отношений конкретно-исторического типа. Так, в трех томах марксова «Капитала» развернута система специфически капиталистических социально-экономических критериев производительного труда, согласно которой таковым становится даже труд, не создающий материальные блага, стоимость и прибавочную стоимость, коль скоро он приносит работодателю соответствующего наемного работника прибыль в ее хозяйственно-эмпирических формах. Подробный комментарий решения проблемы политико-экономического (через призму общей экономической теории) отображения нематериального богатства и сферы духовного производства К. Марксом в соотнесении с соответствующими подходами его великих предшественников-классиков (прежде всего Смита) см., например, в следующих публикациях «Российского экономического журнала»: Ч е р к о в е ц В. Образовательная сфера: взаимодействие с материальным производством в инновационном развитии экономики. — 2009. — № 9-10; е г о ж е. Национальное богатство и национальный продукт с позиций общей экономической теории: ретроспектива и настоящее. — 2011. — №№ 2—3. В названных крупноформатных статьях высокопрофессионально характеризуется также вклад в разработку проблематики национального богатства и национального продукта советских политэкономов (в том числе — представителей «цаголовской школы»), комментируются обоснованные ими соответствующие конкретные методики, развернут сопоставительный анализ применявшегося в СССР марксистского и применяемого в постсоветской России неоклассически-«экономиксового» подходов к наиболее общим макроэкономическим формам продукта общественного производства.

³⁶ О дискуссии по поводу немецко-русской школы в экономике см. Ц в а й н е р т Й. Указ. соч. — С. 82—96.

ческой школе, а с теми новаторскими на тот период научными идеями и оценками, которые родились в ходе ее развития применительно к экономике России³⁷.

Попутно отметим, что немецкая историческая школа получила свое дальнейшее продолжение и в других школах, в частности, в раннем американском институционализме. Хотя, в отличие от России, преемственность этих двух школ определялась не столько практическими потребностями, сколько неудовлетворенностью методологическими основаниями неоклассической школы.

Выделим для примера несколько ключевых идей, иллюстрирующих новизну теоретических постулатов, выдвинутых русскими экономистами в период расцвета данной школы (последняя треть XIX — начало XX в.). *Во-первых*, одним из главных достижений русской экономической мысли является разработка самой идеи многообразия в хозяйственном устройстве и экономическом развитии. В ней представлен один из важнейших аспектов, связанных с гипотезой о возможности возникновения *смешанной, многосекторной* экономики как устойчивого типа организации общественного производства. Она родилась под влиянием накопленного опыта реформирования в нашей стране и была реакцией на многочисленные сбои и неудачи, которые возникали в ходе проведения либерально-рыночных реформ.

Заметим, что в настоящее время трактовка современного хозяйственного строя большинства стран как смешанной экономики кажется элементарной и представлена, наверное, во всех учебниках теоретической экономики. Разрабатываются и соответствующие модели экономики с неоднородной структурой. Но в то время, когда создавалась концепция многосекторного хозяйства, в мировой экономической мысли доминировали противоположные взгляды, развивавшие представления о возможности достижения «чистого капитализма» или, как альтернатива, «чистого социализма», с соответствующими теоретическими обобщениями. Причем даже сегодня неоклассическая школа экономического анализа фактически полностью исключает из рассмотрения все еще не преодоленные в развитой рыночной экономике нерыночные уклады, ограничиваясь только взаимодействием государства и рынка, к которому фактически сводится все содержание смешанной экономики.

Во-вторых, русской школой национальной экономики разрабатывалась концепция хозяйственного переустройства и экономического развития на собственной основе, позволившая четко и ясно раскрыть содержание российского пути в экономике. Данная концепция давала возможность уйти от подражательной зависимости от Запада в теории и практике, сделать ставку на творческую самостоятельность, заложить основы национального самосознания и мировоззрения. Она отвергала саму трактовку западных институтов, особенностей культуры и менталитета людей как экономических аномалий («пережитков»), которые создают препятствия для успешного социально-экономического развития и должны быть заменены на западные институты как универсальные.

³⁷ В последние годы переиздаются труды русских экономистов и философов, в которых раскрываются особенности их исследовательского подхода и научные достижения. Особо следует отметить целенаправленную деятельность Института русской цивилизации по переизданию многочисленных работ дореволюционного периода, а также современных авторов. Например: Платонов О. А. Экономика русской цивилизации. — М., 2008; Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов. — М., 2008; Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства. — М., 2010.

При этом объективные основания для выбора своего пути экономического развития подкреплены исторически значимыми ее результатами и достижениями, уникальными в мировой истории. Так, за 400 лет своего развития (с конца XV в.) Россия расширила свою территорию в 40 раз, а население страны увеличилось более чем в 60 раз. Это потребовало колоссального напряжения сил народа и способности преодолевать запредельные нагрузки. За 537 лет — с момента Куликовской битвы (1380 г.) и по 1917 г. — Россия провела в войнах 334 года, т.е. почти две трети всего периода. Не менее важно то, что даже в таких экстремальных геополитических условиях экономические результаты оказались также вполне впечатляющими. В 1880—1970 гг. объем ВВП на душу населения в сопоставимых ценах возрос почти в 7,5 раз.

В-третьих, отечественной экономической школой был предложен альтернативный вариант осуществления программы обустройства России — через проведение не либерально-рыночных, а национально-ориентированных реформ. Тем самым концепция российского пути развития в экономике получила логическую завершенность в виде выработанной адекватной ей программы реформ. Этим отвергался вариант неприятия каких-либо перемен в хозяйственном и политическом устройстве России и одновременно предлагался курс реформ, опирающийся не на достижение каких-либо абстрактных целей, а на реальные возможности и приоритет национальных интересов.

По мере развития русской исследовательской традиции в области экономики в ней сложились своеобразные черты. К ним относятся: критика «чистого экономизма» и выдвижение идеи целостности экономики со всеми сферами жизни общества, неразрывность экономической деятельности с религиозными основаниями и разработка этики христианско-православного хозяйствования, опора на использование междисциплинарного подхода к экономическим явлениям, ориентация на реальную экономику с особым вниманием к человеческому фактору и к роли государственности как воплощения общности интересов в достижении созидательных целей в экономическом развитии, особое внимание к социальным последствиям в хозяйствовании и к обеспечению социальных приоритетов.

Немаловажным обстоятельством было и то, что в отличие от западной политической экономии, выражающей интересы в основном буржуазии или рабочего класса, русская школа национальной экономии и прежде всего ее народническое звено выступило выразителем интересов главным образом крестьянства. Хотя на периферии европейской экономической мысли можно обнаружить аналогичное по своей направленности течение — школу Сисмонди, ее роль и характер выдвигаемых идей были принципиально иными. Она защищала интересы крестьянства как класса мелкой буржуазии, страдающей от диктата крупного капитала. В свою очередь народническая школа в России, основываясь на подходе к крестьянству как к трудовому классу, в конечном счете вышла на разработку своей самобытной модели «крестьянского социализма»³⁸.

³⁸ **От редакции.** Напоминаем читателям о более чем вековой давности ленинской статье «К характеристике экономического романтизма. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты», в которой развернуто аргументировался тезис, согласно которому «экономическое учение народников есть лишь русская разновидность общеевропейского романтизма» (Л е н и н В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. — Т. 2. — С. 246).

Как можно обозначить главное направление развития исследовательской традиции в русской экономической школе? Исторически оно возникло на основе неприятия «чистого экономизма», ставшего базовым для западной экономической мысли и нашедшего свое продолжение в идеях автономии и самодостаточности сферы экономики, в выборе модели рационального «экономического человека». Вместо этого отечественная экономическая мысль стремилась дать свою разработку хозяйственной проблематики в рамках цельности бытия и единства всех сторон человека как субъекта жизнедеятельности. Именно в этих рамках появилась оригинальная концепция философии хозяйства, обоснованная С.Н. Булгаковым почти в канун событий, изменивших политический и экономический облик страны³⁹. Его можно обозначить как процесс трансформации политической экономии особенного в философию хозяйства. Будучи свидетелем победы «экономического материализма» в жизни и науке и пройдя через соблазны разных школ (марксистской и либеральной), Булгаков, в содержательном плане поставив задачу преодоления «чистого экономизма», пришел к метафизической в сущности трактовке модели хозяйства как отражения Божьего замысла о мире. Можно считать, что политическая экономия особенного превратилась через философию хозяйства в «богословие хозяйства», обозначив по сути дела возвращение к поискам христианских оснований экономической деятельности, которые до него предпринимали уже ранние славянофилы (И.В. Киреевский, А.С. Хомяков и др.).

5. Вместо заключения: об уроках и значении русской исследовательской традиции для современной России

Отечественная исследовательская традиция в области экономического знания формировалась применительно к хозяйству России XIX — начала XX в. Отсюда следует: конкретные теоретические оценки и практические рекомендации в значительной мере принадлежат истории. Но означает ли это, что уже нечего возрождать из «старой» традиции и что ставку следует сделать на существующие в мировой экономической науке многообразные научные разработки? Означает ли это, что сама конструкция политической экономии особенного и ее методологические основания абсолютно устарели и полностью не применимы к российской экономической реальности наступившего XXI столетия?

Усомнимся в данных утверждениях. Дело в том, что современная экономика России в качестве объекта изучения по-прежнему отличается своеобразием, как бы ее ни подравнивали к имеющимся стандартам и ни «асфальтировали», пытаясь устранить «непохожести». Отсюда и сохранение потребности опереться на теорию особенного в разработке стратегии развития и преобразовательной деятельности. Фактически речь идет о потребности разворота экономической теории к проблемам реальной российской экономики. За этим стоит в первую очередь обращение к изучению человека и системы экономических отношений, в которой он находится. Предмет изучения не должен ограничиваться функционирующими рынками и взаимосвязями в движении товаров. Продуктовая онтология должна быть полноценно дополнена антропологической онтологией. Такая переориентация — прямое насле-

³⁹ Как известно, основное экономическое произведение С.Н. Булгакова — «Философия хозяйства» — было опубликовано в 1912 г.

дование русской политэкономической традиции, которую можно трактовать как определенное конкурентное преимущество в экономической науке.

В этой связи не может не возникнуть вопрос о том, почему же это преимущество не было в прошлом реализовано и осталось на периферии мыслительной практики. Объяснение этого парадокса существует. Уже в те давние времена И.В. Киреевский озадачивался вопросами: отчего же образованность русская не развилась полнее образованности европейской, отчего «не стала она во главе умственного движения всего человечества, имея столько залогов для правильного и всеобъемлющего развития духа?» И находил на них ответы — от разрушения нераздельности внутреннего и внешнего, в которой проявляется цельность бытия русского общества. Это разрушение обернулось замещением «внутреннего» начала «внешним», фактически привнесенным извне, и «уважение к Преданию, которым стояла Россия, нечувствительно для нее самой перешло в уважение более наружных форм его, чем его оживляющего духа»⁴⁰.

В защиту значимости русской исследовательской традиции для современного экономического знания можно привести следующий, весьма весомый, думается, аргумент. Широко распространенная критика «ненаучности» отечественной школы национальной экономики ведется с позиции классической (фактически позитивистской) модели самой науки, которая доминировала вплоть до середины XX в., хотя и в то время не была единственной. Но сегодня такая позитивистская трактовка и ее новые разновидности (нео- и постпозитивизм) — это архаика. В настоящее время сама природа научного знания уже трактуется по-иному.

Современная постнеклассическая наука исходит из того, что исследуемая реальность (природа и общество) не основывается на жестком разделении объекта и субъекта, что наличествуют сферы, в которых они не противопоставлены. Во всяком случае, роль субъекта (человека) в экономике не должна недооцениваться и быть сведена к примитивной модели «однорукого» (экономического) человека, оптимизирующего свое поведение. Даже развитие неоклассики, столкнувшись с ограниченностью такого подхода, пошло по пути расширения своей базовой модели человека, двигаясь от признания полной его рациональности к ограниченной (неполной) рациональности, а дальше — к нерациональному и, наконец, — к иррациональному поведению (особенно в сфере финансовых отношений). Однако и в такой расширительной версии модель экономического человека остается малоприменимой к достоверному теоретическому анализу экономических отношений.

Новый и перспективный взгляд на экономику все в большей степени базируется на концепции целостности человека, неразрывности всех его качеств, а это именно то, что характеризует ключевую идею русской исследовательской традиции. Школа поведенческой экономики, активно развиваемая в последнее время, дает пример использования содержательного анализа, опирающегося не на усложненные аналитические разработки и экономико-математические (количественные) взаимосвязи, а на качественный анализ хозяйственных процессов как взаимодействия людей. Такой подход предполагает, что экономисты должны овладеть и использовать инструменты антропологического и социально-психологического анализа, понять механизмы эволюционной биологии, суметь извлечь все ценное, что присутствовало в хозяйственном опыте прошлого. Важные уроки отечественной исследовательской традиции для современной экономической науки связаны с уходом ее

⁴⁰ К и р е е в с к и й И. В. Указ. соч. — С. 222, 224—225.

от абсолютизации экономизма и с альтернативной ставкой на междисциплинарность и синергетику, с обретением этой наукой черт «философского знания».

За такими переменами обнаруживается необходимость смены естественно-математической ориентации экономической науки на социально-гуманитарную, принципиально значимую не только в теории, но и в практике хозяйствования. А это не может не менять сами представления о критериях научности. Таковыми уже нельзя считать математическую строгость расчетов и модельность образа экономики, схематизм и теоремность знания, открытие якобы чудодейственных, способных все и вся объяснить, формул. Факты таковы, что эти наукообразные стандарты лишь рождают чрезмерные амбиции и соблазны экономистов, не подтверждаемые на практике убедительными аналитическими и прогностическими достижениями.

Вышеизложенное не означает призыва к «закрытию» самого неоклассического направления в экономической науке, к полному отказу от его методов исследования и стандартов научности; учтем, что экономика есть органическая взаимосвязь количественных и качественных характеристик хозяйственных процессов. Речь идет о другом — о том, что сегодня нельзя рассматривать экономическую науку только как «социальную физику» (Р. Солоу) и на этой предпосылке разрабатывать универсальную модель развития как единственную и истинную. Закономерности развития неживой природы, с которой имеет дело физика, не должны буквально переноситься на живую природу, в которой люди выступают главными действующими лицами.

Что же касается положительной трактовки современных критериев научности, то следует указать на точность описываемой научной картины мира хозяйства и обоснованность оценок, применимость практических рекомендаций и достоверность прогнозов. Такие критерии нельзя игнорировать и именно они позволяют адекватно оценивать вклад русской научной традиции в развитие экономического знания, отдавая должное ее прошлым достижениям и определяя возможность ее возрождения с пользой для дела возрождения России.

Итак, русская исследовательская традиция в области экономического знания полезна не только своей критической составляющей, хотя и она существенна. Ведь господство «чистого экономизма», который был объектом пристального критического внимания в русской школе национальной экономики, в современном мире приобрело вселенский масштаб, характер «глобального экономизма», разрушительные последствия коего продемонстрированы последним мировым кризисом. Но гораздо важнее то, что само представление об экономической науке, ее методах и задачах, разработавшихся в прошлом, может оказаться весьма актуальным для раскрытия природы современного хозяйственного строя России и определения перспектив развития отечественной экономической науки. Были бы для этого желание и интерес.

Послесловие главного редактора. Ценность и мотив помещения в «образовательную» рубрику статьи В.Т. Рязанова «Политическая экономия особенного: начала русской исследовательской традиции» редакция усмотрела прежде всего в том, что автор, несмотря на заявленное в заголовке «заглубление» в историю, энергично возвращает читателей к дискуссии о постсоветских судьбах политической экономики и ее вузовского преподавания. Речь идет о дискуссии, которая стартовала на страницах «Российского экономического журнала» еще в 1990-х годах, резко активизи-

ровалась в 2003—2004 гг. в связи с рядом событий в научной жизни [с опубликованным в № 48 еженедельника «Экономика и жизнь» за 2002 г. открытым письмом видных ученых-экономистов министру образования РФ о восстановлении вузовского статуса политической экономии и с обсуждением в марте 2003 г. этого документа на расширенном заседании министерского Научно-методического совета по экономике, а также с акциями 2004 г. в МГУ по поводу двухвекового юбилея старейшей в стране кафедры политической экономии (а тем самым и 200-летия преподавания в России данной дисциплины) и 100-летия со дня рождения одного из наиболее известных заведующих этой кафедрой, создателя оригинальной научной школы — Н.А. Цаголова] и, по нашему мнению, оказалась «рубежно», хотя и, разумеется, не окончательно, а промежуточно (с рекомендацией перечня «проблем-теорем», т.е. главных пунктов последующего обсуждения) подытоженной в иностранной, опубликованной в №№ 3 — 5-6 журнала за 2005 г., *статье В.Н. Черковца «Первый элемент системы экономических наук (еще раз по поводу 200-летия преподавания в России политической экономии и к оценке новейших дебатов о ее современной роли и вузовском статусе)»*. А годом раньше, в № 2 за 2004 г., кстати заметить, была помещена его же статья «Политическая экономия в Московском университете: историческая ретроспектива и настоящее (к 200-летию кафедры и 100-летию со дня рождения Н.А. Цаголова)», внимательно ознакомившись с которой, а также с другими нашими публикациями 2004 г., в том числе с развернутыми ответами В.В. Куликова на вопросы редакции о современном звучании «цаголовской школы» (№ 4), автор «Политической экономии особенного...», возможно, воздержался бы от ретрансляции размашистых пренебрежительно-снисходительных клише относительно наработок советских политэкономов.

Так вот, В.Т. Рязанов возвращает нас к одной из сюжетных линий указанной дискуссии, связанной с соотношением таких научных дисциплин, как «политическая экономия» и «национальная экономика». Причем очередной прецедент замены последней на «национальную экономию» («политическую экономию особенного», «национальную систему политической экономии» и т.п.), тождественный очередному воспроизведению тезиса «сколько стран, столько и политических экономий», сути дела не меняет. Эта словесная замена, как было уже не раз замечено, лишь терминологически оттеняет тягу ученых к действительному научному теоретизированию (т.е. к обнаружению скрытых за поверхностью явлений объективных разнопорядковых сущностей, законов, реальных абстрактно-общих и всеобщих связей), неизбывную даже у ревнителей немецкой «исторической школы». Школы, методологическое кредо которой — принципиально отвергающий «абстрактный метод» домарксовых классиков «ползучий эмпиризм», состоящий в сугубо волюнтаристском, зависящем исключительно от конкретных целей исследователей экономики данной страны, возведении тех или иных эмпирических фактов, в том числе различных «коктейлей» из поверхностных хозяйственных форм и феноменов духовной жизни, в ранг экономических категорий (неудивительно, что следование подобной методологии, которая, кстати, должна квалифицироваться и в качестве весьма агрессивной разновидности позитивизма, привело эволюцию «политической экономии особенного» в XIX — начале XX в. к такому печальному для судьбы науки финишу, как превращение в «богословие хозяйства»). Так вот, поскольку в выше-названной «рубежной» статье В.Н. Черковца 2005 г. применительно к рассматривае-

мой сюжетной линии были сформулированы *системные соображения* (см. № 3. — С. 53—54, № 4. — С. 51, № 5-6. — С. 76—77), включая острокритическую (хотя, разумеется, при акцентировании императивной необходимости анализа не только общих формационных экономических законов, но и национально-особенных и «цивилизационных» форм их проявления) реакцию на главные положения помещенной в № 4 журнала за 2004 г. статьи В.М. Кулькова «Национальное в экономической теории и ее вузовских курсах», близкие к выкладкам В. Т. Рязанова, настоятельно рекомендуем читателям учесть при оценке последних контраргументацию самой конструкции «национальной экономии», развернутую автором «Первого элемента...» [позже, кстати напомнить, обнародовавшим в журнале (№ 11-12 за 2007 г.) свой нюансированный критический разбор исторической эволюции и современного состояния неоклассики — статью «К вопросу об альтернативах в общей экономической теории (по поводу 140-летия I тома «Капитала» К. Маркса)»].

Представляется также важным предложить читателям, заинтересовавшимся статьей «Политическая экономия особенного: начала русской исследовательской традиции», обратиться к недавней статье А.К. Фролова «Первый в «великолепной пятерке» 1840-х: у истоков стержневой идейной традиции (по поводу 200-летия со дня рождения В.Г. Белинского)» (см. № 3 журнала за 2011 г.). В.Т. Рязанов не случайно, разумеется, даже не упоминает имена носителей этой действительно «стержневой» в эволюции российского обществоведения 40—80-х годов XIX столетия — революционно-демократической — традиции. Ибо его статья идейно «заточена» не только, а по сути и не столько против неоклассики (с ней «русская школа национальной экономии», причем как в форме «богословия хозяйства», так и в «современном постнеклассическом» виде, не может не смыкаться в существеннейших пунктах — в эмпиризме методологии, в сведении «экономических» отношений к «рыночным», отождествлении первых со вторыми, в признании исторической неустранимости товарного производства и частной собственности в ее индивидуальной и коллективно-групповой вариациях, и др.), сколько против классики, главным образом — ее высшей, марксистской, формы. Между тем именно русские революционеры-демократы (от «неистового Виссариона» до Н.Г. Чернышевского), эффективно оппонировав и славянофилам, и либералам-западникам, выступая критиками как патриархальщины и феодально-помещичьей реакции, так и антагонизмов восходившего капитализма, «выстрадали» для России марксизм — теорию, которая как раз и превратила из утопических в подлинно научные идеи *целостного, гармоничного, всестороннего развития каждой человеческой личности*. Речь идет о развитии «ассоциированных индивидов» и как потребителей материальных и духовных благ, и как их производителей (о реализации и обогащении творческих сил и способностей людей непосредственно в трудовом процессе), и как субъектов, располагающих свободным временем, — развитию, принципиально достижимом исключительно на основе непосредственно обобществленного, планомерно и «за счет всего общества» организованного производства, материально базируемого на обеспечиваемом лишь в результате исторической эволюции капиталистической системы высочайшем уровне развития производительных сил и их общественного характера.

Через призму этого беспрецедентно «социально-гуманитарно ориентированного» марксова политэкономического прогноза фундаментальной основы посткапиталистического (коммунистического) общества советские политэкономы разработали

вали теорию формационно альтернативного закону прибавочной стоимости «основного экономического закона социализма (коммунизма)», стремились исходя из его содержания сформулировать «социально-гуманитарные» же критерии эффективности планового хозяйствования, оптимизации пропорций общественного воспроизводства, включая, конечно, связанные с соотношением материального и духовного производства (см., например, следующие журнальные публикации представителей одного из направлений в рамках «цаголовской школы», в том числе их статьи в нашем издании: Т р о н е в К. Основное производственное отношение и основной экономический закон социализма // Вестник Московского университета. Сер. экон. — 1974. — № 4; е г о ж е. Соотношение основного экономического закона и закона социалистического накопления // Вестник Московского университета. Сер. экон. — 1974. — № 5; М е л е н т ь е в А. Основной экономический закон социализма и превращение труда в первую жизненную потребность // Коммунист. — 1983. — № 2; е г о ж е. Основной экономический закон социализма и социально-экономическая эффективность производства // Экономические науки. — 1981. — № 9; О р л о в а Г., С и т н и к Л. Свободное время общества и индивида: опыт социализма в свете идей К. Маркса // Экономические науки. — 1983. — № 5). Об этом, конечно, — ни слова в статье «Политическая экономия особенного...», «мягко» подводящей читателя к той мысли, что «новый и перспективный взгляд на экономику, все в большей степени базирующийся на концепции целостности человека, нераздельности всех его качеств» есть восстановление именно старого доброго «самобытного взгляда на природу экономических отношений в стране» (резюмированного, стоит напомнить, в булгаковском «богословии хозяйства»).

«Закольцовывая» эти беглые соображения, приходится констатировать: пропагандируя отечественный вариант «политической экономии особенного», густо замешанный, однако, на германском «эмпирическом методе», В.Т. Рязанов дополнительно высвечивает актуальность одной из «проблем-теорем» В.Н. Черковца, предлагающего не оставлять без критического внимания попытки подмены общей экономической теории (политической экономии) любой из версий «теории национальной экономики», пусть даже эти попытки «являются своеобразной реакцией на тотальную экспансию «экономикс» (2005. — № 5-6. — С. 76). «Однако можно ли, — задается риторическим вопросом ученый, — признать методологию немецкой «исторической школы», в свое время выступавшей против «абстрактно-теоретического» метода классиков и отказавшейся от подлинного предмета политэкономии, надежным средством противостояния неоклассике с ее абсолютизацией внешних, поверхностных форм экономических отношений?» (там же. — С. 77). И если справедлив пассаж В.В. Куликова касательно того, что «слухи о смерти марксизма, традиций советской экономической науки и «цаголовской школы» явно преувеличены» (2004. — № 4. — С. 59), есть, очевидно, смысл искать аргументы, весомые для интеллектуального оппонирования неоклассическому «мэйнстриму» (действительно губительному, как уже 20 лет талдычит авторский актив нашего журнала, в качестве основы реформирования постсоветской России) прежде всего в этих традициях, тоже имеющих истоки, хотя, понятно, отчетливо секуляризованные, в до-советской истории Отечества.

Приглашаем читателей поддержать дискуссию, продолжение которой может оказаться очень полезным.